НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • ОБЩЕСТВО

Детективы времени

Исследователи невольно создают технологии управления памятью. Если знаешь, как она формируется, то можешь на нее влиять

Фото: Дмитрий Духанин / Коммерсантъ

16:57, 27 марта 2026,

Алексей Семенов-Труайя

социолог

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

Эта публикация начинает новый цикл статей социолога Алексея Семенова-Труайя о феномене коллективной памяти.

Тихий кабинет в институте РАНХиГС. За окном московская зима, на экране компьютера — тысячи анкет. Дарья Хлевнюк прокручивает таблицы с ответами россиян на вопросы, которые не дают покоя ни ей, ни ее коллеге Григорию Юдину* уже несколько лет.

Как бы вы поступили, если бы знали, что ваш сосед укрывает от властей еврейскую семью? Что делать, если выяснилось, что ваш дед участвовал в сталинских репрессиях? Можно ли оправдать доносительство ради государственной безопасности?

Вопросы болезненные, но необходимые. Исследователи хотят понять, как российское общество относится к самым тяжелым страницам своей истории. Каковы моральные основания для принятия решений о прошлом? Как формируется коллективная память? Чистая наука, благородная цель — лучше понять свое общество.

Дарья не подозревает, что составляет подробную карту для тех, кто будет этой памятью управлять.

От Кольберга до Кремля

Лоуренс Кольберг. Фото: архив

Метод, которым пользуются российские социологи, родился в американских лабораториях полвека назад. Лоуренс Кольберг изучал нравственное развитие детей, предлагая им решать этические дилеммы. Самая знаменитая — про некоего Хайнца, чья жена умирала, а лекарство стоило слишком дорого. Украсть лекарство или дать жене умереть? Как рассуждает ребенок, принимая такое решение?

Кольберг открыл удивительную вещь:

> в моральных дилеммах люди не могут лукавить. Их выбор выдает подлинную систему ценностей — не ту, что они декларируют публично, а ту, по которой действительно

> живут. Метод оказался настолько точным, что психологи до сих пор используют его для диагностики нравственного развития.

Но то, что работало с детьми в лаборатории, неожиданно оказалось применимо к целым народам. Если заменить выдуманные дилеммы историческими, можно с хирургической точностью выяснить, как общество на самом деле относится к своему прошлому. Не то, что оно говорит в опросах общественного мнения. А то, как оно готово поступать в ситуации морального выбора.

Дарья Хлевнюк. Фото: соцсети

Результаты исследования РАНХиГС озадачили самих авторов. Российское общество оказалось расколото на несколько

кластеров исторической памяти, каждый со своей системой ценностей. Одни склонны к покаянию — готовы признать ошибки прошлого и извлечь из них уроки. Условная «Испания», как назвали этот кластер исследователи. Другие предпочитают забвение — лучше не ворошить прошлое, сосредоточиться на будущем. Условные «Нидерланды». Третьи выбирают героизацию — акцентируют достижения, а проблемы либо замалчивают, либо оправдывают высокой целью. Условная «Сербия».

Исследователи нанесли на карту ценностные расколы с географической точностью. Выяснили, что выбор сценария зависит от образования (чем выше, тем больше склонность к покаянию), возраста (пожилые предпочитают героизацию), места жительства (мегаполисы тяготеют к критическому осмыслению), религиозности (верующие чаще выбирают забвение).

Казалось бы, чистое знание. Социальная диагностика. Попытка понять, что происходит с коллективной памятью в современной России.

Когда карта становится территорией

То, что произошло дальше, до сих пор удивляет самих исследователей. Их научные выводы начали жить собственной жизнью. Типология «Испания — Нидерланды — Сербия» стала использоваться далеко за пределами академических кругов. Политтехнологи получили то, о чем могли только мечтать: точную карту общественного сознания с координатами каждой группы.

Теперь они знали, на кого воздействовать, какими методами, через какие каналы. Где искать союзников для каждого сценария политики памяти. Как апеллировать к ценностям разных групп. Научная типология превратилась в инструкцию

по применению.

Фото: Агентство «Москва»

Произошел странный эффект обратной связи. Общество узнало о том, как устроена его собственная память, и это знание немедленно начало влиять на то, как эта память функционирует. Люди стали по-другому говорить о прошлом, зная, что их отношение к истории изучается, классифицируется, используется.

Социальная термодинамика системы изменилась. Температура выросла — все стали активнее обсуждать исторические темы, понимая, что это кого-то очень интересует. Давление увеличилось — разные группы почувствовали, что идет борьба за интерпретацию истории, и каждая стала защищать свою версию.

> А вот объем — пространство для свободного обсуждения — начал сжиматься, потому что исследования показали, какие подходы к прошлому «правильные», а какие нет.

Это фундаментальное отличие социальных наук от естественных. Когда физик изучает законы гравитации, гравитация от этого не меняется. Но когда социолог изучает механизмы коллективной памяти, сама память трансформируется под воздействием этого знания. Изучаемый объект меняется от самого факта изучения.

Семейные истории как государственная политика

В это же время в маленькой квартире на окраине Воронежа студентка Аня записывает на диктофон рассказ бабушки о войне. Как эвакуировались из Ленинграда зимой сорок первого. Как отец не вернулся с фронта. Как мать одна поднимала четверых детей. Аня пишет курсовую о семейной памяти, ей нужны живые свидетельства для диплома.

Девушка не подозревает, что участвует в грандиозном проекте картографирования человеческого сознания. Что ее курсовая — одна из тысяч капель в океане исследований того, как работает коллективная память. И уж тем более не догадывается, что эти знания будут использованы для управления тем, как ее собственные дети станут помнить прошлое.

Биографический метод кажется самым невинным из всех инструментов изучения памяти. Исследователь садится рядом с пожилым человеком, включает диктофон, задает деликатные вопросы: «Расскажите о ваших родителях. Что помните о коллективизации? Как в семье относились к советской власти?» Простой сбор устных историй. Сохранение человеческого опыта

для потомков.

> На самом деле это разведка территории коллективной памяти. Исследователь выясняет, как формируются семейные нарративы. Какие события героизируются, какие замалчиваются. Как передаются политические установки от поколения к поколению.

Какие механизмы заставляют одни семьи хранить память о репрессиях, а другие — о трудовых подвигах.

Елена Рождественская, классик российской биографической социологии, честно пишет в своих работах: через семейные истории можно понять «кривые жизненного пути» целых поколений. Реконструировать социальную историю через призму личного опыта. Но при этом она не замечает, что кривые можно не только изучать — их можно корректировать.

Логика проста. Если ты знаешь, как формируются семейные нарративы, ты можешь влиять на этот процесс. Если понимаешь, как семейная память воздействует на политические установки, можешь создавать «правильные» семейные истории.

Как это работает на практике? Очень тонко. СМИ начинают освещать исторические события под определенным углом. Документальные фильмы расставляют нужные эмоциональные акценты. Книги популярных историков формируют общий интерпретационный фон. Постепенно эти трактовки проникают в семейные разговоры.

Дед, который всю жизнь рассказывал о войне одним образом,

вдруг начинает говорить по-другому — не потому, что изменились его воспоминания, а потому, что изменилось то, как «принято» о войне рассказывать. Семейная память корректируется в режиме реального времени.

Фото: Агентство «Москва»

Внуки получают уже «обновленную» версию семейной истории. На ее основе формируют свою идентичность, свои политические предпочтения. Через двадцать-тридцать лет в обществе доминирует новая версия прошлого. Люди искренне верят, что она основана на подлинном семейном опыте, не подозревая, что этот «опыт» был деликатно сконструирован.

Машины по производству смыслов

Третий инструмент изучения памяти — контент-анализ — родился во время Второй мировой войны. Американские исследователи пытались расшифровать код нацистской

пропаганды. Анализировали тысячи текстов, выявляли повторяющиеся образы, измеряли эмоциональную нагруженность слов. Хотели понять логику вражеского воздействия на сознание.

Метод сработал блестяще. Но обнаружилась неожиданная вещь: те же самые инструменты можно использовать для создания собственной пропаганды. Понимание механизмов воздействия автоматически превращается в технологию воздействия.

Современный контент-анализ в сфере исторической памяти работает как обратная инженерия сознания. Сначала диагностика: исследователи изучают тысячи текстов — статьи в газетах, посты в социальных сетях, комментарии в интернете. Выясняют, какие образы прошлого доминируют в массовом сознании.

Сталин — тиран или эффективный менеджер? Репрессии — трагедия или необходимая мера в условиях внешней угрозы? Победа в войне — результат героизма народа или мудрости руководства? Коллективизация — модернизационный прорыв или насилие над крестьянством?

> Результат такого анализа — точная карта распределения смыслов в обществе. Своего рода социологическое МРТ коллективного сознания, показывающее, какие интерпретации прошлого где локализуются, с какой интенсивностью, в каких комбинациях.

Затем планирование. На основе этой карты разрабатывается стратегия изменения баланса. Какие образы нужно усиливать, какие ослаблять, какие вводить впервые. Где находятся «точки

роста» для новых интерпретаций, а где — зоны сопротивления, которые лучше обходить.

Наконец, реализация. Систематическое воздействие на информационную среду через изменение «фонового» дискурса. Не через прямую пропаганду — это слишком заметно и вызывает отторжение. А через постепенное смещение акцентов в освещении исторических событий.

Самое коварное в этой технологии — ее незаметность. Никто не заставляет людей думать определенным образом. Просто постепенно меняется информационный фон, на котором они принимают решения. Если раньше, говоря о сталинской эпохе, СМИ акцентировали репрессии, а теперь акцентируют индустриализацию и победу в войне, люди сами придут к новым выводам. Им будет казаться, что они думают самостоятельно.

Глобальная иерархия памяти

Самым изощренным инструментом управления коллективной памятью стал сравнительный анализ. На первый взгляд — вполне объективная научная процедура. Изучаем опыт разных стран в работе с болезненными страницами истории. Германия и денацификация. Франция и алжирская война. Испания и наследие франкизма. Южная Африка и апартеид.

Сравниваем подходы, выявляем закономерности, делаем выводы о том, какие модели «работают», а какие нет. Создаем типологии «успешных» и «неуспешных» стратегий работы с прошлым.

Фото: Егор Снетков / Коммерсантъ

Но сравнение невозможно без оценки. Неизбежно одни модели начинают казаться «правильными», другие — «неправильными». Формируется глобальная иерархия «зрелости» в отношении к прошлому.

> Германия с ее покаянием за нацизм — образец для подражания. Россия с героизацией советского периода — страна, «застрявшая в прошлом». Китай с замалчиванием событий на площади Тяньаньмэнь — авторитарная аномалия.

Сравнительный анализ становится инструментом мягкой силы

в международной политике. Академические исследования создают типологии «цивилизованных» подходов к истории. Международные организации принимают эти типологии как основу для оценки стран. «Зрелое» отношение к прошлому становится условием членства в «клубе развитых демократий».

Страны оказываются вынуждены корректировать свою политику памяти под внешние стандарты. Научная объективность оборачивается политическим принуждением. Академическая типология превращается в дипломатический инструмент.

Гибридная война за сознание

Почему все эти методы оказались столь эффективными в качестве технологий управления памятью? Потому что они гибридные — работают одновременно на разных уровнях воздействия.

Биографический метод влияет на семейную память, формируя представления о прошлом на самом интимном уровне — в разговорах между поколениями. Контент-анализ воздействует на медиадискурс, определяя, как о прошлом говорят в публичном пространстве. Сравнительный анализ формирует международную политику памяти, создавая давление на государственном уровне.

Воздействие идет сразу по всем каналам — от семейной кухни до залов ООН. Создается эффект тотального окружения: человек получает согласованные сигналы о том, как «правильно» относиться к прошлому, из всех источников информации.

Фото: Агентство «Москва»

При этом каждый метод имеет свои термодинамические характеристики — по-разному влияет на температуру, давление и объем системы коллективной памяти. Биографический метод повышает температуру (люди больше говорят о прошлом), но может сжимать объем, если семейные истории унифицируются. Контент-анализ позволяет точно регулировать давление в системе — усиливать или ослаблять конфликтность дискуссий. Сравнительный анализ работает с объемом — расширяет или сужает спектр допустимых интерпретаций.

Понимание термодинамики памяти превращает ее изучение в инженерию. Социальная наука становится социальной технологией.

Невинные соучастники

Можно ли винить исследователей в том, что их методы используются для манипуляций? Дарья Хлевнюк и Григорий

Юдин, создавшие типологию сценариев политики памяти, руководствовались самыми благородными намерениями. Хотели лучше понять российское общество, помочь ему осмыслить свое отношение к прошлому.

Елена Рождественская, развивавшая биографическую социологию в России, думала о сохранении человеческого опыта для будущих поколений. Специалисты по контент-анализу искренне верили, что помогают обществу лучше понимать механизмы формирования общественного мнения.

> Но в социальных науках действует жестокая закономерность: каждое исследование автоматически становится инструкцией по применению. Не потому, что ученые этого хотят, а потому, что такова природа социального знания.

В отличие от физики, где изучение законов природы не влияет на сами эти законы, в обществе знание о механизмах его функционирования немедленно начинает эти механизмы изменять.

Опубликованное исследование влияет на то, как люди понимают себя и свое прошлое. Научные концепции становятся частью обыденного сознания. Академические типологии превращаются в основу для политических решений. Исследователи памяти перестают быть внешними наблюдателями — они становятся участниками процесса, который изучают.

Возникает фундаментальная этическая дилемма: можно ли изучать общество, не давая власти инструменты для

управления им? Как сохранить научную объективность, зная, что твои выводы будут использованы в политических целях?

Некоторые исследователи предлагают принцип «методологического пацифизма»: использовать научные методы только для защиты общества от манипуляций, никогда не создавая технологий нападения. Другие считают, что лучшая защита — полная открытость: если все знают о существующих методах управления сознанием, ими труднее злоупотреблять.

Но есть и третий путь — превращение граждан в соисследователей собственной памяти. Если люди понимают, как работают технологии управления коллективным сознанием, они могут от них защищаться, а при необходимости — использовать те же методы для защиты собственных нарративов. Монополия власти на управление памятью разрушается.

Фото: Максим Поляков / Коммерсантъ

Детективы раскрывают свои секреты

Мы начали детективную историю о том, как невинные научные методы превращаются в технологии управления памятью. Увидели, что ученые, сами того не желая, создают карты сознания для тех, кто этим сознанием хочет управлять.

Но знание об этих механизмах — не повод для отчаяния, а основа для защиты. Понимание того, как работают технологии управления памятью, позволяет им противостоять. Граждане из объектов воздействия могут превратиться в субъектов, сознательно участвующих в формировании коллективной памяти.

История показывает: лучший способ защититься от технологий управления сознанием — понять, как они устроены. Детективы времени раскрывают свои методы. Теперь дело за нами — научиться их использовать не для подчинения, а для освобождения.

В следующей части нашего расследования мы проследим, как именно происходит превращение методов изучения в методы воздействия. Как биографическая социология становится биографической инженерией, а контент-анализ превращается в технологию программирования смыслов. Как наука о памяти трансформируется в искусство управления ею.

Знание — сила. Но чья это сила, зависит от того, кто им владеет.

*Минюст РФ внес в реестр «иноагентов».